

Билатеральный облик суверенитета в зеркале научной дискуссии

Александр В. Малов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, malov.pvo@gmail.com*

Аннотация. Не вызывает серьезных сомнений, что эволюция мира политического протекает вместе с трансформацией его понятийно-категориального аппарата. Процесс необратимых перемен в этой сфере коснулся сегодня и такого базового для общественных наук понятия, как суверенитет. В рамках настоящей статьи было установлено, что альтернативные взгляды на двухстороннюю структуру суверенитета делают содержание этого понятия более объемным и требуют применения дополнительных средств, облегчающих его понимание. Одним из доказательств такого положения дел выступает весьма распространенная в политической науке классификация С. Краснера. Критический анализ последней, однако, не смог закрепить за типологией известного ученого приверженности основному научному принципу – объективности. В целях преодоления авторского субъективизма, приведшего к избирательному деактивированию одной из двух сторон суверенитета, было принято решение о теоретическом конструировании специальных подходов к пониманию суверенитета. Для выявления сторонников и оппонентов каждого из сформированных дискурсивных направлений была использована более строгая матрица, известная в политологии под словосочетанием «Большие споры». Применение последней, в соответствии с аксиоматическим методом, стало символом безуспешной попытки проведения «методологической триангуляции», актуализировавшей разносторонний взгляд на понятийную структуру суверенитета.

Ключевые слова: суверенитет, глобализация, международные отношения, мировая политика

Для цитирования: Малов А.В. Билатеральный облик суверенитета в зеркале научной дискуссии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 3. С. 48–66. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-3-48-66

The bilateral image of sovereignty in the mirror of scientific discussion

Alexander V. Malov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
malov.pvo@gmail.com*

Abstract. The fact that the evolution of the “political world” occurs together with the transformation of its conceptual and categorical apparatus does not cause serious doubts. Today, the process of irreversible changes in the area has affected the concept of sovereignty as basic for the social sciences. The article found that alternative views on the bilateral structure of sovereignty make the content of that concept more voluminous and require the use of additional tools to facilitate its understanding. One of the evidences of such state of affairs is the classification of sovereignty by S. Krasner, which is common in political science. A critical analysis of S. Krasner’s typology, however, could not secure for the typology of the famous scientist the adherence to the basic scientific principle – objectivity. Overcoming the author’s subjectivity which stimulated the selective deactivation of one of the two sides of sovereignty it was decided to theoretically construct special approaches to understanding sovereignty. A more rigorous matrix, known in political science by the phrase “The Great Debates”, was used to identify supporters/opponents of each of the formed approaches, as well as to describe the difference in their research positions. The use of the matrix of Great Debates in accordance with the axiomatic method became an example of a not unsuccessful attempt to implement methodological triangulation, which updated the versatile “vision” of sovereignty and stimulated a more comprehensive view of it.

Keywords: sovereignty, globalization, international relations, world politics

For citation: Malov, A.V. (2023), “The bilateral image of sovereignty in the mirror of scientific discussion”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 48–66, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-3-48-66

Введение

В современных политических реалиях, характеризующихся усилением дезинтеграционных процессов в капиталистической мир-системе и подступающей кульминацией «однополярного момента», интерес к идее суверенитета возвращается, обостряя исследовательское желание дать рукописный ответ на два вопроса. Первый, «классический», вопрос, в историческом фундаменте

которого лежит непримиримое соперничество «монархомахов» и «абсолютистов», связан с предрасположенностью суверенитета к изменению своего агрегатного состояния: к делимости [Leibniz 1988; Lapidoth 1992; MacCormick 1993] и неделимости¹. Второй, «постклассический», вопрос фокусируется на теоретических инструментах анализа и методологических средствах классификации суверенитета, обуславливающих появление и функционирование его «профильных референтов»: целесообразность такого решения см. [Реут 2007; Кокошин 2015], его необоснованность см. [Черниченко 2010; Пастухова 2013; Терентьева 2017].

Цель настоящей статьи заключается в поиске ответов на артикулированные выше вопросы. Достижение поставленной цели, в свою очередь, предполагает последовательное решение таких исследовательских задач, как описание «двухсторонней природы» суверенитета и объяснение ее специфики; анализ существующих в академической литературе классификаций суверенитета и оценка их объективности; конструирование специальных подходов к пониманию суверенитета сразу по двум принципам: унитарности/дискретности и междисциплинарности/трансдисциплинарности; выявление представителей образовавшихся подходов и сравнительный анализ их мировоззренческих позиций в соответствии с предметом каждого из «Больших споров» в теории международных отношений; разработка формулы образования «профильного референта» суверенитета посредством согласования сфер внутрисоветской политики с научными областями их исследования; описание алгоритма функционирования «профильного референта» суверенитета (частного) и определение степени его влияния на состояние государственного суверенитета (общего).

Понятие и содержание

Невзирая на доктринальное множество и неутраченные академические споры, подавляющее большинство исследователей определяют суверенитет как атрибут власти государства, олицетворяющий ее самостоятельность, верховенство и автономию как во внутренних, так и во внешних политических интеракциях [Bull 2002, p. 8; Keohane 2003, p. 282; Левин 2003, с. 113; Моисеев 2014, с. 74].

Следуя за популярной в эпистемологическом сообществе дефиницией суверенитета, сосредоточимся на дуальной природе этой

¹См.: Bodin J. Les six livres de la République. Lyon: J. de Tournes, 1579. 758 p. См. также [Schmit 1985; James 1999].

терминологической единицы. Однако необходимо отметить, что «интернальный аспект» фокусируется на высшем органе власти и на «внутренних» вопросах государства: ресурсах, формах правления, политическом устройстве, легитимации насилия. Обратная, «экстернальная сторона», в свою очередь, подчеркивает незыблемое институциональное главенство государства, принимающего политическую самостоятельность и правовой паритет сходных ему игроков. Следовательно, суверенитет выступает магистральной функцией, активирование которой фиксирует внутренний властный орган в положении верховенства, ратифицируя само государство-нацию в статусе политического актора, обреченного на самодержавный и равноправный коммуникационный процесс с аналогичными членами интернационального диалога.

Двухсторонний облик суверенитета

Концептуальное размежевание суверенитета на «экстернальный» (внешний) и «интернальный» (внутренний), проводимое еще в эпоху Нового времени², продолжает оставаться весьма пространственной когнитивной операцией и в наши дни [Habermas 1996, pp. 126–128; Bull 2002, p. 8; Almond, et al. 2002, p. 14]. Однако вопреки тому, что процедура дифференциации двух сторон суверенитета существенно облегчает перцепцию самого понятия, она генерирует и новый мотив для научной дискуссии. Предметом последней выступает сам статус дифференцированных аспектов суверенитета. Так, по мнению первых исследователей, внутренняя и внешняя стороны, сливаясь в один смысловой комплекс, представляются атрибутами единой идеи суверенитета государства [Левин 2003, с. 111; Цымбурский 1993, с. 17–18]; по убеждению вторых, отделившиеся друг от друга компоненты суверенитета имеют законное право на автономное существование [Krasner 1995, pp. 118–119; Keohane 2003, p. 276]; с позиции третьих, аналогичное разграничение и вовсе бессмысленно, так как невозможно, сохраняя «внешнюю» суверенность, утратить «внутреннюю» [Иванов 2010, с. 13].

В качестве наглядного примера обозначенных выше разночтений обратимся к известной классификации авторитетного специалиста в области международных отношений С. Краснера,

²См.: Гегель Г. *Философия права* // Гегель Г. *Собрание сочинений*: В 14 т. Т. 7. М.: Соцэкгиз, 1934. 380 с.; Еллинек Г. *Общее учение о государстве*. СПб.: Изд. книжного магазина Мартынова, 1908. 626 с.

выделявшего в своих ранних работах четыре ипостаси суверенитета («интернационально-правовую», «вестфальскую», «внутреннюю» и «взаимозависимости») [Krasner 1995, pp. 118–119; Krasner 1999, p. 3], а в более поздних только три («интернационально-правовую», «вестфальскую/вателлианскую» и «внутреннюю») [Krasner 2004, p. 87; Krasner 2011, p. VII; Krasner 2017, p. 41].

Исходя из существа дела, отметим, что предложенная типология представляется лишь модернизированной версией «двухстороннего» суверенитета, «внутренний» аспект которого остался неизменным, а «внешний» подвергся систематизации по принципу выборочной активизации двух функций государственного суверенитета: 1) права на невмешательство и автономию («вестфальский/вателлианский суверенитет»); 2) монополии на заключение/денонсацию международных соглашений («Интернационально-правовой суверенитет»).

Как было упомянуто ранее, особенностью классификации С. Краснера выступает закрепление концептуальной независимости за каждым изолированным аспектом суверенитета. Однако в чем же заключается смысл такой операции? С высокой долей вероятности предположим, что в момент принятия этого решения интеллектуальная энергия Краснера была направлена на патриотическую защиту национальных интересов и оправдание геополитической активности США. Следовательно, реализация стратегического плана по глобальной гегемонистской экспансии и деактивации суверенитетов государств-конкурентов требовала законных оснований, в том числе и в научной сфере. Именно с целью теоретического аннулирования суверенитета как фундаментального принципа международных отношений было принято решение о деактивации его «внешнего» оборонительного элемента (оболочки), в результате удаления которого открывался беспрепятственный доступ к его «внутреннему» компоненту (ядру), отвечающему за внутригосударственное администрирование. Для выражения своих подлинных академических намерений сам С. Краснер задействовал понятие «суверенитета совместного пользования», означающее внедрение внешних действующих лиц одного государства в некоторые структуры внутренней власти другого на неопределенный срок [Krasner 2004, p. 108]. Нелишним будет добавить, что идея об опциональной активации ключевых функций «внешнего» суверенитета была охотно поддержана другим прославленным ученым-международником и представителем школы неоклассического либерализма Р. Кохейном, использовавшим классификацию С. Краснера для оправдания акта гуманитарной интервенции в «проблемные общества» в целях защиты прав

человека и устранения угрозы либеральной демократии [Keohane 2003, pp. 276, 286, 297].

Таким образом, высокая идеологизация и отчетливая геополитическая ангажированность С. Краснера полностью затмили «объективность» в предложенной им классификации, а в силу избирательного интереса к «внешнему» аспекту суверенитета «внутренняя» сторона этого понятия и вовсе была оставлена без должного исследовательского внимания.

В связи с открывшимися обстоятельствами актуализируется необходимость конструирования таких подходов к интерпретированию суверенитета, которые будут основываться на взглядах представителей ведущих школ и основных парадигм в теории международных отношений (ТМО), относящихся к «внешнему» суверенитету не только как к «переменной», но и как к «константе». Более того, в рамках образовавшихся подходов появится возможность скорректировать и доминирующее в «эпистемологическом сообществе» представление о «внутреннем» аспекте суверенитета как о заветном трофее для государства-захватчика, позиционирующего себя в роли эффективного администратора на территории оккупированного им политического актора. В этой связи вполне уместно выглядит разработка идеи об усилении «внутреннего» суверенитета посредством адресного, независимого и самодостаточного развития стратегически важных сфер внутригосударственной политики. Движение в аналогичном исследовательском направлении не только расширит концептуальные границы самого суверенитета, но и способствует формированию понятийно-категориального аппарата для альтернативной геополитической действительности в многополярной системе координат.

Подходы к осмыслению

Как заведено законами формальной логики, для корректной операции по систематизации научного знания необходимо сначала определиться с ее основаниями. В нашем случае таковыми критериями будут считаться сразу два бинарных принципа. Первая дихотомия – субстанциональная делимость/неделимость суверенитета (*классический вопрос*), для описания которой будет использоваться антонимическая пара унитарный/дискретный. Вторая дихотомия – механическая полнота/неполнота постижения суверенитета, осуществляемая с помощью ослабления/усиления жесткости дисциплинарных делений научного знания и трансфера научных методов (*постклассический вопрос*), будет вы-

ражена в терминах междисциплинарный/трансдисциплинарный [Львов 2012, с. 161].

Определившись с вводными параметрами для классификации, приступим к непосредственному конструированию самих подходов к пониманию суверенитета. Итак, первым подходом является *унитарно-междисциплинарный*, основывающийся на признании терминологического единства двух сторон суверенитета (*внешней* и *внутренней*), приоритетное право на квалифицированное объяснение которого закреплено за качественными методами научного познания, равноценно используемыми в системе юридических и политических наук. Вторым подходом выступает *дискретно-междисциплинарный*, который отвергает терминологическую целостность двух сторон суверенитета, чья политико-правовая сущность может быть корректно описана лишь при помощи количественных (экономико-математических) методов научного познания. Третьим подходом представляется *унитарно-трансдисциплинарный*, основывающийся на признании терминологической монолитности двух сторон суверенитета как сложного объекта, обладающего особенностями, для изучения которых применяются и синтезируются соответствующие этим особенностям дисциплинарные подходы, методы и знания.

Не исключая возможности того, что из представленных выше «вводных данных» возможно скомбинировать именованые и для иных подходов к интерпретации суверенитета, мы остановимся лишь на трех вариантах. Причина такого решения скрывается за непосредственным содержанием каждого из предлагаемых нами подходов, включающих в себя разность мировоззренческих позиций и теоретико-методологических приемов исследования социальной реальности конкретными учеными, разделившимися на сторонников и оппонентов каждого из представленных нами подходов.

Монолитен ли суверенитет?

В разные века проponentы унитарно-междисциплинарного метода понимали под суверенитетом не поддающийся квантификации качественный атрибут политического актора³. Одним из поводов для такой убежденности выступила и сама этимология понятия, отсылающая к таким лексическим компонентам латинской лингвистики, как *Super* (расположенный над), *Superior* (преобладающий) и *Supernus* (возвышенно-героический), применяющихся

³См.: Bodin J. Op. cit. См. также [Schmit 1985; James 1999].

для маркировки божественных «сил света и неба» [Леонов 2013, с. 131]. Следовательно, при наличии высшей степени проявления признака (филологического и семиотического) суверенитет де-вальвирует потенциал когнитивных операций по дефинированию его как сокращающейся или повышающейся меры.

С асимметричными убеждениями выступают сторонники дискретно-междисциплинарного метода, уверенные в подвижной структуре суверенитета, выступающего количественным свойством политического актора [Leibniz 1988; Lapidoth 1992; Mac-Cormick 1993]. Импровизированная понятийная гибкость первоначально предполагала трансфер суверенного фонда по маршруту «государство-государство», что способствовало рождению таких дефиниций, как относительный суверенитет и полусуверенное государство⁴. С середины XVIII в. список политических игроков, способных «принимать на аутсорсинг» определенную часть суверенного фонда государства-нации, стал увеличиваться. Появление новых политических акторов предопределило начало процедуры экспроприации привилегированного права на суверенитет у государства-нации. Под знаменем либерального идеализма институту государственности было предъявлено обвинение в преступном обращении с суверенитетом, оживляющим дух национализма. В конечном счете для проponentов дискретно-междисциплинарного метода суверенитет трансформировался в механическую привилегию как государственных, так и надгосударственных институтов. Идентифицированная операция стимулировала семиотическое вооружение суверенитета такими прилагательными, как «ослабевающий», «ограниченный», «многослойный», «фрагментированный» [Buzan, Little 2000, p. 359].

Необходимо подчеркнуть, что зафиксированная разность во взглядах на предрасположенность суверенитета к изменению своего агрегатного состояния была спровоцирована несходным восприятием сторонниками двух подходов таких базисных категорий политической науки, как государство и власть. Беря во внимание эти обстоятельства, для дальнейшей дифференциации исследовательских позиций и систематизации подходов к интерпретации суверенитета воспользуемся более строгой понятийно-категориальной матрицей, получившей название «Большие споры» в ТМО.

⁴См.: *Kreittmayr W.X.* Grundriß des Allgemeinen, Deutsch und Bayrischen Staatsrechtes. Leipzig: Crätz, 1769. 505 s.; *Moser J.J.* Versuch des neuesten Europäischen Völker-Rechts in Friedens und Kriegs-Zeiten. Frankfurt a/M.: Varrentrapp und Wenner, 1777. 577 s.

Суверенитет в «больших спорах»

Следует сразу оговориться, что мировоззренческие основания проponentов дискретно-междисциплинарного метода сформированы либерально-идеалистической парадигмой, в то время как взгляды сторонников унитарно-междисциплинарного метода базируются на парадигме классического реализма.

С позиции методологии приверженцы унитарно-междисциплинарного метода выразили инструментальное предпочтение «традиционалистам», а сторонники дискретно-междисциплинарного метода – теоретико-практическим тактикам «модернистов».

Дискуссия вокруг двух базовых для общественных наук понятий (государства и власти) указала на асимметрию взглядов последователей унитарно-междисциплинарного и дискретно-междисциплинарного методов.

С точки зрения первых, потеря государством-нацией суверенитета не дисквалифицирует суверенитет как свойство, способствующее функционированию планетарного политического механизма. Таким образом, государство-нация остается генеральным актором в глобальной политике.

С точки зрения вторых, суверенитет необходимо аннулировать как эмблему тоталитарного государства, самостоятельность которого теряет смысл при глобализации, обожающей фантом *Ното economicus*.

С позиции эпистемологии проponentы унитарно-междисциплинарного и дискретно-междисциплинарного методов, солидаризируясь вокруг комбинированных позиций неореалистов и неолиберальных институционалистов, утверждают суверенитет как фрагмент объективной действительности, существующей независимо от познающего ее субъекта. Необходимо уточнить, что эпистемологический анализ, утвердив идейный паритет между представителями двух методических течений, стимулировал разногласие внутри одного из них. К примеру, доля проponentов *унитарно-междисциплинарного* метода, неодобрительно воспринявшая процедуру элиминации субъекта (интерпретатора) из процесса объективного постижения суверенитета (интерпретируемого), выразила свою приверженность рефлексивистским, постмодернистским и постструктуралистским трендам в эпистемологии. Подобная реабилитация полномочий субъекта (исследователя) превратила суверенитет (исследуемое) в «дискурс о суверенитете». В итоге использование дискурсивных практик в гармонии с принципом трансдисциплинарности (подразумевающим синтез всех междисциплинарных знаний и методов научного познания) открыло путь к адресному изучению профильных

референтов суверенитета, совпадающих с конкретными сферами внутригосударственной политики. Схожие представления о категориально-понятийном развитии суверенитета, в итоге, оформились в автономное *унитарно-трансдисциплинарное* направление, оригинальность которого будет оценена далее.

Профильные референты: за и против

Приверженцы *унитарно-трансдисциплинарного* направления уверены, что суверенитет, не являясь исключительно политическим явлением, содержит в себе и факультативные области социально-правовой жизни. Вместе с тем в идейной квинтэссенции суверенитета государства покоится отраслевой модулятор, активирующий различные сферы деятельности: юридическую, экономическую, социально-политическую, культурную, психологическую и другие [Кокошин 2015, с. 10].

В целях фокусирования внимания на изучаемой наукой сфере и спецификации области суверенитета, проponentы унитарно-трансдисциплинарного течения внедряют факультативные части речи, маркирующие характерную черту объекта. Схожее оснащение суверенитета частными прилагательными, по мнению О.Ч. Реута, не перечит понятийной спецификации суверенитета, помогая верифицировать дискурсивную преданность исследователя к определенному категориально-понятийному аппарату, используемому в эпистемологическом сообществе [Реут 2007, с. 117].

Такое вооружение суверенитета специальными референтами спровоцировало отклик у проponentов *унитарно-междисциплинарного* течения, по скептическому наблюдению которых, динамичная раификация суверенитета указывает на его расщепляемость – диалектическое свойство для понятия, определяемого в терминах монолитности и несокрушимости [Терентьева 2017, с. 198; Черниченко 2010, с. 25–31].

Во избежание процедуры «делегирования» суверенного фонда разным внутригосударственным субъектам (области, городу, краю), провоцирующим соперничество вариативных «суверенитетов» (продовольственного, таможенного и др.), проponentы *унитарно-междисциплинарного* течения трактуют суверенитет лишь при тесном взаимодействии с государством-нацией [Пастухова 2013, с. 362]. Более того, для сторонников *унитарно-междисциплинарного* направления бескомпромиссными выступают и моменты «о фиксированном числе ответвлений суверенитета [Терентьева

2017, с. 198]», а также «об алгоритме их появления и порядке жизнедеятельности [Черниченко 2010, с. 25–31]».

Парируя предъявленные реплики, проponentы *унитарно-трансдисциплинарного* течения отмечают, что государственный суверенитет монолитен и автономен, а прикрепление тематических прилагательных объясняет конкретную область функциональной активности политического актора [Овчинников 2011, с. 6–9]. Следовательно, профильные составляющие единого суверенитета государства выступают операционными деривативами, не имеющими права на принятие самостоятельного решения [Шахматьев 2013, с. 76].

Алгоритм образования

Сосредоточившись на доводах внутрисистемных противников о бесчисленном количестве оттенков суверенитета, сформируем генеральные характеристики образования профильного референта суверенитета. Центральным условием выступает органическая увлеченность эпистемологического сообщества определенной сферой суверенитета, подтверждаемая динамичными темпами публикационной деятельности ученых и экспертов. Следующим условием является появление квалифицированного специалиста по конкретному направлению суверенитета, обладающего тематическими дискурсивными практиками. Финальным условием выступает строгий запрет на процесс сепарации суверенитета «по субъекту», утверждающий автономию за появившимися «объектами». В итоге только приверженность отмеченным условиям конституирует профильную область суверенитета. Несоблюдение одного из выработанных законов ведет к экстренному отстранению любого профиля государственного суверенитета, требующего обретения особого положения.

К профильным ответвлениям суверенитета, отвечающим сегодня сразу трем фундаментальным правилам селекции, относятся: *правовой суверенитет* [Бредихин 2011], *экономический суверенитет* [Kurek 2016], *фискальный суверенитет* [Шахматьев 2013], *финансовый суверенитет* [Zimmermann 2013], *ресурсный суверенитет* [Schrijver 1997], *таможенный суверенитет* [Овчинников 2011], *энергетический суверенитет* [Симонов 2007], *технологический суверенитет* [Maxigas 2018], *продовольственный суверенитет* [Чугров, Малов 2019], *информационный суверенитет* [Yeli 2017].

В перечень профильных ответвлений суверенитета, частично отвечающих требованиям, входят: *суверенитет духа* [Матвейчев 2009], *цивилизационный суверенитет* [Золкин 2016], *интеллекту-*

альный суверенитет [Карнаушенко 2015], *идеологический суверенитет* [Сердюков, Фролова 2015].

В совокупности первые три кандидата на обладание профильным званием исключаются за несоблюдение критерия об умышленном созидании опорного «субъекта» суверенитета, за исключением конвенциональных (государства, народа и нации). Например, в ситуации с интеллектуальным суверенитетом мыслится обладатель интеллекта, поэтому созидается инновационный субъект – индивид или бог. Заклучительный претендент не отвечает второму закону, закрепляющему за идеологией статус ложной формы сознания.

Для визуального комфорта отразим субординацию видов государственного суверенитета, соотнесенных с профильными областями его компетентного изучения. Выстроенная на рис. 1 классификация выступит ассистентом в вопросе функциональной активности профильной области суверенитета (части), влияющего на фазовое состояние суверенитета государства (целого).

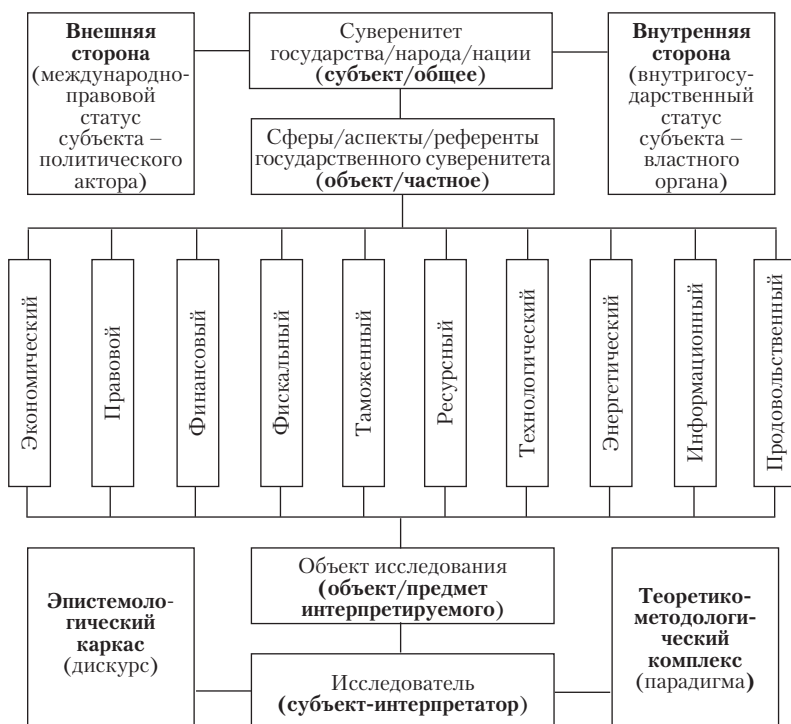

Рис. 1. Координация ответвлений суверенитета государства с профильными сферами его изучения. Составлено автором

Алгоритм функционирования

Статусное обретение суверенитета, подразумевающее качественную активизацию верховенства самостоятельности и автономии, активизируется в процессе формирования стратегии по реставрации правосубъектности политического актора. Вместе с тем рождение профильного референта выступает операцией трансформации суверенитета из спекулятивного механизма оживления внешней автономии государства, в компетентную тактику обновления «экзогенной среды» политической системы.

Беря в расчет обусловленность всех «профессиональных спутников суверенитета», благополучное осуществление одной отраслевой программы предопределяется успешной реализацией другой. Например активизация продовольственного суверенитета невозможно без обретения таможенного, ресурсного, энергетического, технологического и экономического суверенитетов. Снискание последнего подразумевает, в свою очередь, наличие у субъекта финансового, правового, информационного и фискального суверенитетов. Согласованность десяти субординированных членов, таким образом, ведет к совокупной реализации генеральной антикризисной задачи по активированию политическим актором верховенства, самостоятельности и автономии (см. рис. 1).

Идентифицированная взаимозависимость профильных спутников подтверждает безрезультативность актов задействования их в качестве количественных барометров, определяющих политическую состоятельность государства, и обесценивает заряд различных математических методов. Следовательно, для успешной реализации «общего» суверенитета отсутствует процедурная необходимость в квантификации, так как достаточно лишь в полном объеме материализовать один из его частных профильных компонентов. Однако это не говорит о том, что аккумулированный резерв ресурсов, предназначенных для реализации стратегии по реанимации государственной правосубъектности, должен быть направлен в отношении лишь одной профильной сферы. Наоборот, воплощение общего суверенитета предполагает одномоментную, симметрично распределенную деятельность по всем его профильным направлениям. Отмеченная стратегия, согласовываясь с методом восхождения от абстрактного к конкретному, способствует обретению государством реального суверенитета [Кокошин 2015, с. 10–11]. Вместе с тем бойкотирование профильной спецификации суверенитета способствует государству-нации обрести лишь фальшивое звание субъекта международных отношений и мировой политики.

Summa summarum

В рамках настоящего исследования было установлено, что альтернативные взгляды на «двухстороннюю структуру» суверенитета делают содержание этого понятия более объемным. Одним из доказательств такого положения дел выступает весьма распространенная в науке о международных отношениях классификация С. Краснера. Этап подробного рассмотрения последней, однако, не смог закрепить за типологией известного американского ученого приверженности основному научному принципу – объективности. С целью преодолеть «авторский субъективизм», приведший к избирательному деактивированию одного из двух элементов суверенитета (внешнего), было принято решение о теоретическом конструировании специальных подходов к пониманию суверенитета. Основанием для новой систематизации выступили сразу два принципа: признание/непризнание концептуальной автономии за отделившимися друг от друга (внешней и внутренней) сторонами суверенитета; ориентация на принцип междисциплинарности (предполагающий транзит методов исследования из одной научной дисциплины в другую)/трансдисциплинарности (настаивающий на синтезе всех моно- и междисциплинарных знаний) при анализе суверенитета.

Для выявления сторонников и оппонентов каждого из сформированных подходов и описания разности их исследовательских позиций (эпистемологических, теоретических, методологических, онтологических) было решено применить более строгую понятийно-категориальную матрицу, известную в политической науке под словосочетанием «Большие споры». Использование последней стало примером небезуспешной попытки проведения «методологической триангуляции», не став при этом элементарным суммированием трактовок суверенитета представителями различных парадигм и школ в ТМО, что в подобном случае привело бы к пятикратному увеличению самих подходов к интерпретации суверенитета.

Последующая фиксация разночтений в методологической и эпистемологической областях послужила поводом для образования нового подхода, открывающего путь к адресному изучению «профильных референтов суверенитета». Движение в аналогичном исследовательском направлении представляется должным восполнением пробела в классификации С. Краснера – детализацией потенциала «внутренней» стороны суверенитета, ориентированной на разрешение проблем в конкретной, материальной сфере общественно-политического союза. Таким образом, квалифицирован-

ное и адресное действие суверенитета (средства) пропорционально рассредоточенному по десяти равнозначным и взаимозависимым областям внутригосударственной политики (цели), позволяет современному государству активировать не только «внешний», но и «внутренний» суверенитет и обрести статус полноценного субъекта мировой политики.

Литература

- Almond et al. 2002 – *Almond, G. et al.* Comparative politics today: a world view. New York: Longman Pub Group, 2002. 802 p.
- Bull 2002 – *Bull H.* The anarchical society. A study of order in world politics. N.Y.: Columbia University Press, 2002, 329 p.
- Buzan & Little 2000 – *Buzan B. & Little R.* International systems in world history: Re-making the study of international relations. Oxford: Oxford University Press, 2000. 452 p.
- James 1999 – *James A.* The practice of sovereign statehood in contemporary international society // Political Studies. 1999. Vol. 47. No. 3. P. 457–473.
- Habermas 1996 – *Habermas J.* The European nation state. Its achievements and its limitations. On the past and future of sovereignty and citizenship // Ratio Juris. 1996. Vol. 9. No. 2. P. 125–137.
- Keohane 2003 – *Keohane R.* Political authority after intervention. Gradations in sovereignty // Humanitarian Intervention / Ed. by J.L. Holzgrefe and R. Keohane. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 275–298.
- Krasner 1995 – *Krasner S.* Compromising Westphalia // International Security. 1995. Vol. 20. No. 3. P. 115–151.
- Krasner 1999 – *Krasner S.* Sovereignty. Organized hypocrisy. Princeton: Princeton University Press, 1999. 280 p.
- Krasner 2004 – *Krasner S.* Sharing sovereignty. New institutions for collapsed and failing states // International Security. 2004. Vol. 29. No. 2. P. 85–120.
- Krasner 2011 – *Krasner S.* Foreword. Varieties of sovereignty // The future of United States, China, and Taiwan relations / Ed. by Cheng-yi Lin and D. Roy. New York: Palgrave Macmillan. 2011. P. VII–XVII.
- Krasner 2017 – *Krasner S.* The persistence of state sovereignty // International politics and institutions in time / Ed. by K. Orfeo Fioretos. Oxford: Oxford University Press. 2017. P. 39–59.
- Kurek 2016 – *Kurek T.E.* Economic sovereignty: Prosperity in a free society. Reston: Alvarian Press, 2016. 354 p.
- Lapidoth 1992 – *Lapidoth R.* Sovereignty in transition // Journal of International Affairs. 1992. Vol. 45. No. 2. P. 325–346.
- Leibniz 1988 – *Leibniz G.W.* Political writings. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 264 p.

- MacCormick 1993 – *MacCormick N.* Beyond the sovereign state // The Modern Law Review. 1993. Vol. 56. No. 1. P. 1–18.
- Maxigas 2018 – *Maxigas P.* Keeping technological sovereignty. The case of internet relay chat // Technological sovereignty / Ed. by A. Hache. Barcelona: Ritimo foundation. 2018. P. 67–81.
- Schmit 1985 – *Schmit C.* Political theology: Four chapters on the concept of sovereignty, Cambridge: MIT Press. 1985. 70 p.
- Schrijver 1997 – *Schrijver N.* Sovereignty over natural resources: Balancing rights and duties, Cambridge: Cambridge University Press. 1997. 452 p.
- Yeli 2017 – *Yeli H.* A three-perspective theory of cyber sovereignty // PRISM. 2017. Vol. 7. No. 2. P. 109–115.
- Zimmermann 2013 – *Zimmermann C.D.* The concept of monetary sovereignty revisited // The European Journal of International Law. 2013. Vol. 24. No. 3. P. 797–818.
- Бредихин 2011 – *Бредихин А.Л.* Суверенитет как политико-правовой феномен. М.: Инфра-М, 2011. 121 с.
- Золкин 2016 – *Золкин А.Л.* Цивилизационный суверенитет России как философская проблема // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 2. С. 24–27.
- Иванов 2010 – *Иванов В.В.* Теория государства. М.: Изд-во ВШЭ, 2010. 288 с.
- Карнаушенко 2015 – *Карнаушенко Л.В.* Интеллектуальный суверенитет государства и проблема его обеспечения в обществе начала XXI в. // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 10–14.
- Кокошин 2015 – *Кокошин А.А.* Национальные интересы, реальный суверенитет и национальная безопасность // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 5–19.
- Левин 2003 – *Левин И.Д.* Суверенитет. СПб.: Юридический центр Пресс. 2003. 373 с.
- Леонов 2013 – *Леонов А.С.* Государственный суверенитет: этимология и предыстория развития концепта // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 3. С. 131–135.
- Львов 2012 – *Львов Л.В.* Проектирование учебно-методического комплекса: от дисциплинарного к трансдисциплинарному подходу // Вестник ЧГАА. 2012. Т. 62. С. 158–167.
- Матвейчев 2009 – *Матвейчев О.* Суверенитет духа. М.: Эксмо, 2009. 448 с.
- Моисеев 2014 – *Моисеев А.А.* О некоторых взглядах на суверенитет // Право и государство. 2014. № 4 (65). С. 74–79.
- Овчинников 2011 – *Овчинников С.Н.* Таможенный суверенитет: верховенство государственной власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 3. С. 6–9.
- Пастухова 2013 – *Пастухова Н.Б.* Государственный суверенитет: история и современность. М.: Аспект Пресс. 2013. 366 с.
- Реут 2007 – *Реут О.Ч.* Прилагательные суверенитета: суверенитет как прилагательное // Полис: Политические исследования. 2007. № 3. С. 115–124.
- Сердюков, Фролова 2015 – *Сердюков В.А., Фролова В.Б.* Экономика России и правовое обеспечение // Путеводитель предпринимателя. 2015. № 26. С. 253–258.

- Симонов 2007 – *Симонов К.В.* Глобальная энергетическая война. М.: Алгоритм, 2007. 272 с.
- Терентьева 2017 – *Терентьева Л.В.* Концепция суверенитета государства в условиях глобализационных и информационно-коммуникационных процессов // Право: Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 187–200.
- Цымбурский 1993 – *Цымбурский В.Л.* Идея суверенитета в посттоталитарном контексте // Полис: Политические исследования. 1993. № 1. С. 194–202.
- Черниченко 2010 – *Черниченко С.В.* Делим ли государственный суверенитет? // Евразийский юридический журнал. 2010. № 12. С. 25–31.
- Чугров, Малов 2019 – *Чугров С.В., Малов А.В.* Продовольственный суверенитет и воспитание: гармонизация по-японски // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. № 4. С. 665–677. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-4-665-677>.
- Шахматетьев 2013 – *Шахматетьев А.А.* Налоговый суверенитет и налоговая юрисдикция государства // Современное право. 2013. № 3. С. 76–81.

References

- Almond, G. et al. (2002), *Comparative politics today. A world view*, Longman Inc., New York, USA.
- Bredikhin, A.L. (2011), *Suverenitet kak politiko-pravovoi fenomen* [Sovereignty as a political and legal phenomenon], Infra-M, Moscow, Russia.
- Bull, H. (2002), *The anarchical society. A study of order in world politics*, Columbia University Press. Columbia, USA.
- Buzan B. and Little, R. (1998), *International systems in world history. Remaking the study of international relations*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Chernichenko, S.V. (2010), “Is sovereignty of a state divisible?”, *Eurasian Law Journal*, no. 12, pp. 25–31.
- Chugrov, S.V. and Malov, A.V. (2019), “Food sovereignty and education. A Japanese type of harmonization”, *RUDN Journal of Sociology*, no. 4, pp. 665–677, DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-4-665-677>.
- James, A. (1999), “The practice of sovereign statehood in contemporary international society”, *Political Studies*, vol. 47, no. 3, pp. 457–473.
- Habermas, J. (1996), “The European nation state. Its achievements and its limitations. On the past and future of sovereignty and citizenship”, *Ratio Juris*, vol. 9, no. 2, pp. 125–137.
- Ivanov, V.V. (2010), *Teoriya gosudarstva* [Theory of the state], HSE Publishing House, Moscow, Russia.
- Karnaushenko, L.V. (2015), “The intellectual sovereignty of the state and the issue of its security in the society of the 21st century”, *Society and Law*, vol. 54, no. 4, pp. 10–14.

- Keohane, R. (2003), "Political authority after intervention. Gradations in sovereignty", in Holzgrefe, J.L. and Keohane, R. (eds.), *Humanitarian Intervention*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, pp. 275–298.
- Kokoshin, A. (2015), "National interests, real sovereignty and national security", *Questions of philosophy*, no. 10, pp. 5–19.
- Krasner, S. (1995), "Compromising Westphalia", *International Security*, vol. 20, no. 3, pp. 115–151.
- Krasner, S. (1999), *Sovereignty. Organized hypocrisy*, Princeton University Press, Princeton, USA.
- Krasner, S. (2004), "Sharing sovereignty. New institutions for collapsed and failing states", *International Security*, vol. 29, no. 2, pp. 85–120.
- Krasner, S. (2011), "Foreword. Varieties of sovereignty", in Cheng-yi Lin and Roy, D. (eds.), *The future of United States, China, and Taiwan relations*, Palgrave Macmillan, New York, USA, pp. VII–XVII.
- Krasner, S. (2017), "The persistence of state sovereignty", in Orfeo Fiorettes, K. (ed.), *International politics and institutions in time*, Oxford University Press, Oxford, UK, pp. 39–59.
- Kurek, T.E. (2016), *Economic sovereignty. Prosperity in a free society*, Alvarian Press, Reston, USA.
- Lapidoth, R. (1992), "Sovereignty in transition", *Journal of International Affairs*, vol. 45, no. 2, pp. 325–346.
- Leibniz, G.W. (1988), *Political writings*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Levin, I.D. (2003), *Suverenitet* [Sovereignty], Legal Center Press, Saint Petersburg, Russia.
- Leonov, A.S. (2013), "State sovereignty. Etymology and prehistory of the concept", *Bulletin of the Lobachevsky Nizhny Novgorod University*, no. 3, pp. 131–135.
- Lvov, L.V. (2012), "Designing an educational complex, from disciplinary to trans disciplinary approach", *Bulletin of the Chelyabinsk Agroengineering*, vol. 62, pp. 158–167.
- MacCormick, N. (1993), "Beyond the sovereign state", *The Modern Law Review*, vol. 56, no. 1, pp. 1–18.
- Matveychev, O. (2009), *Suverenitet dukha* [Sovereignty of the spirit], Eksmo, Moscow, Russia.
- Maxigas, P. (2018), "Keeping technological sovereignty. The case of internet relay chat", in Hache, A. (ed.), *Technological sovereignty*, Ritimo foundation, Barcelona, Spain, pp. 67–81.
- Moiseev, A.A. (2014), "About some views on sovereignty", *Law and State*, vol. 65, no. 4, pp. 74–79.
- Ovchinnikov, S.N. (2011), "Custom sovereignty. The supremacy of state power", *State power and local government*, no. 3, pp. 6–9.
- Pastukhova, N.B. (2013), *Gosudarstvennyi suverenitet: istoriya i sovremennost'* [State sovereignty. History and modern times], Aspect Press, Moscow, Russia.
- Reut, O.Ch. (2007), "Adjectives of sovereignty. Sovereignty as an adjective", *Polis. Political Studies*, no. 3, pp. 115–124.

- Schmit, C. (1985), *Political theology. Four chapters on the concept of sovereignty*, MIT Press, Cambridge, UK.
- Schrijver, N. (1997), *Sovereignty over natural resources, Balancing rights and duties*, CU Press, Cambridge.
- Serdyukov, V.A. and Frolova, V.B. (2015), "The economy of Russia and legal support", *Guide of the entrepreneur*, no. 26, pp. 253–258.
- Shakhmametyev, A.A. (2013), "Tax sovereignty and tax jurisdiction of the state", *Modern Law*, no. 3, pp. 76–81.
- Simonov, K.V. (2007), *Global'naya ehnergeticheskaya voyna* [Global energy war], Algorithm, Moscow, Russia.
- Terentyeva, L.V. (2017), "Concept of the state sovereignty in the conditions of global and information communication processes", *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no. 1, pp. 187–200.
- Tsymbursky, V.L. (1993), "The idea of sovereignty in a post-totalitarian context", *Polis. Political Studies*, no. 1, pp. 194–202.
- Yeli, H. (2017), "A three-perspective theory of cyber sovereignty", *PRISM*, vol. 7, no. 2, pp. 109–115.
- Zimmermann, C.D. (2013), "The concept of monetary sovereignty revisited", *The European Journal of International Law*, vol. 24, no. 3, pp. 797–818.
- Zolkin, A.L. (2016), "Civilizational sovereignty of Russia as a philosophical issue", *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 2, pp. 24–27.

Информация об авторе

Александр В. Малов, кандидат политических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; malov.pvo@gmail.com

Information about the author

Alexander V. Malov, Cand. of Sci. (Political Science), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; malov.pvo@gmail.com